

В. И. Покровский

**Василий Андреевич
Жуковский, его жизнь и
сочинения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Покровский**
Василий Андреевич Жуковский, его жизнь и сочинения / В. И. Покровский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 319 с.

ISBN 978-5-518-00259-3

Сборник историко-литературных статей
Издание второе, дополненное

ISBN 978-5-518-00259-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Родина Жуковского, <i>Зейдлица</i>	1
Домашнее воспитаніе Жуковского, <i>Арзамельскаго</i>	2
Ф. Г. Покровский — первый наставник Жуковского, <i>Тихонравова</i>	4
Жуковский въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, <i>Ръзанова</i>	8
Вліяніе окружающей среды на творчество Жуковского, <i>его же</i>	9
Московский благородный пансіонъ и его вліяніе на поэтическую дѣятельность Жуковского, <i>Арзамельскаго</i>	10
Литературное направленіе университетскаго благороднаго пансіона, <i>Ръзанова</i>	15
А. А. Прокоповичъ-Антонскій и „Дружеское ученое общество“, <i>его же</i>	28
Кружокъ, подъ вліяніемъ котораго совершалось литературное воспитаніе Жуковского, <i>Тихонравова</i>	32
Литературные кружки конца XVIII и начала XIX вв., <i>Ръзанова</i>	35
Дружеское литературное общество, его направленіе и характеръ, <i>его же</i>	37
Литературныя вліянія, окружавшія Жуковского, <i>Арзамельскаго</i>	39
Романтизмъ и муза Жуковского, <i>Булича</i>	43
Отношеніе Жуковского къ романтическому движенію, <i>Арзамельскаго</i>	49
Отношеніе Жуковского къ философско-психологическому направленію эстетики XVIII—XIX вв., <i>Сакулина</i>	51
Поэзія Жуковского, <i>Майкова</i>	60
Идеалы Жуковского, <i>Веселовскаго</i>	73
Мотивы поэзіи Жуковского, <i>Бѣлинскаго</i>	79
Сельское кладбище (Элегія Грея), <i>Стоюнина</i>	102
Людмила дѣя первоисточникъ, <i>Созоновича</i>	104
Ивиконы журавли, <i>Дм. Цѣтаева</i>	110
Теонъ и Эскинъ, <i>Стоюнина</i>	121
Торжество побѣдителей, <i>Бѣлинскаго</i>	123
Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Особенности перевода баллады „Торжество побѣдителей“, <i>Чешигина</i>	126
Жалоба Цереры, <i>Водовозова</i>	131
„Жалоба Цереры“ въ переводѣ Жуковского, <i>Чешигина</i>	133
Элевзинскій праздникъ, <i>Стоюнина</i>	135
Кубокъ, <i>Дм. Цѣтаева</i>	137
Перчатка, <i>его же</i>	149
„Кубокъ“ и „Перчатка“ въ переводѣ Жуковского, <i>Чешигина</i>	153
Поликратовъ перстень, <i>Дмитрія Цѣтаева</i>	156
„Поликратовъ перстень“ въ переводѣ Жуковского, <i>Чешигина</i>	168
Патриотическія стихотворенія Жуковского, <i>Шевырева, Никитенко</i>	172
Жуковский, какъ наставникъ Александра II, <i>О. Миллера</i>	177
Родственныя черты музы Жуковского и Пушкина, <i>Владимирова</i>	191
Многостѣнная и глубокая дружба Жуковского и Пушкина, <i>Сумцова</i>	197

	<i>Стран.</i>
Духовная організація Жуковскаго и Гоголя и ихъ взаимное литературное вліяніе, <i>Плѣтухова</i>	205
Неразрывныя узы дружбы, связывавшія Жуковскаго и Гоголя, <i>Сумцова</i>	211
Жуковскій и Державинъ, <i>Бѣлинскаго</i>	224
Доброжелательныя отношенія Жуковскаго къ писателямъ, <i>Маркевича</i>	225
Жизнь и поэзія по возвращенію Жуковскаго, <i>Шевырева</i>	238
Историческое значеніе поэзіи Жуковскаго, <i>Бѣлинскаго</i>	245
Воспитательное значеніе поэзіи Жуковскаго, <i>Кирпичникова</i>	247
Значеніе Жуковскаго въ исторіи развитія литературнаго языка, <i>Никитенко</i>	251
Особенности таланта и поэтическаго творчества Жуковскаго, <i>его же</i>	256
Жуковскій, какъ писатель и человѣкъ, <i>Плетнева</i>	263
Эпоха чувствительности, <i>Веселовскаго</i>	266
Поэтика романтиковъ и поэтика Жуковскаго, <i>его же</i>	277
Романтическій идеализмъ въ русской литературѣ 20—30-хъ годовъ. Возрѣнія романтиковъ на искусство и религію, на идеалъ счастья личнаго и общественнаго, <i>Замотина</i>	291

Родина Жуковского.

Село Мишенское, одно изъ многихъ помѣстій, принадлежавшихъ Аванасію Ивановичу Бунину, находится въ Тульской губерніи, въ 3-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлева. Благодаря живописнымъ окрестностямъ этого имѣнія и близости его къ городу, владѣлецъ избралъ его постояннымъ мѣстопробываніемъ для своего семейства и, по тогдашнимъ обычаямъ, обстроилъ и украсилъ его роскошно. Огромный домъ съ флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садами, паркомъ и садомъ, придавалъ особенную прелесть этой усадьбѣ; а обстановка — дубовая роца, ручеекъ въ долинѣ, виды на отдаленные пышные дуга и нивы, на близкое село съ церковью, настраивали чувства обывателей къ мирному наслажденію красотой природы. Растительность въ этой сторонѣ отличается чѣмъ-то могучимъ, сочнымъ свѣжымъ, чего недостаетъ южнымъ черноземнымъ полосамъ Россіи. Весна, разрѣшающая природу отъ суровой зимы, оживляетъ ее скоро и радуетъ сердце человѣка. Даже самая осень своими богатыми урожаями хлѣбовъ и плодовъ приноситъ такія удовольствія, которыя не могутъ быть испытываемы въ болѣе сѣверномъ, холодномъ климатѣ. Если же мы къ тому припомнимъ старинныя, до нѣкоторой степени патріархальныя, отношенія помѣщиковъ между собою и съ крестьянами, то понятно, что люди, проведеншіе вмѣстѣ юность въ селѣ Мишенскомъ, могли еще въ глубокой старости восхищаться воспоминаніями о минувшемъ житьѣ-бытьѣ.

„Здѣсь все напоминаетъ Жуковскаго“, — писала Анна Петровна Зонтагъ (внучка Аван. Иванов. Бунина) къ князю Вяземскому, — „церковь, гдѣ мы вмѣстѣ молились, роца и садъ, гдѣ мы гуляли вмѣстѣ, любимый его ключъ *Гремучій* и, наконецъ, холмъ, на которомъ было переведено первое его стихотвореніе: „Сельское кладбище“ вышедшее въ свѣтъ“. Этотъ холмъ сохранилъ названіе: *Гресева Элеія*.

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки, —
Что вашу прелесть замѣнить?

Сколько пѣсенъ Жуковскаго обязаны своимъ существованіемъ воспоминанію объ этомъ мѣстѣ въ пору молодости!

„Все, что на милой родинѣ, здравствуй!“ — пишетъ онъ изъ Дерпта къ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной: „я — было началъ стихи къ родинѣ; въ нихъ „ты“ есть, такъ сказать, Дуняша, и вотъ что ей говорится:

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичьей сладкогласны!
О, родина, всё дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемой росю,
Свѣтался лучъ вечернею порою,
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

Ты помнишь ли нашъ прудъ сповойный,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ лонѣ водѣ, какъ сквозъ стекло,
Село?

Тамъ на зарѣ пачужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ“.

Поэтъ, даже не родной Бунинымъ, князь И. М. Долгорукиѣ, воспѣлъ Мишенскую долину въ своей одѣ, которую посвятилъ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ. Обращаясь къ этой долинѣ, Долгорукиѣ оканчиваетъ восклицаніемъ:

Дай, сердце, имя ей: — блаженная долина!

Позже, конечно, Мишенское представляло другое зрѣлище. Эта деревня, послѣ раздѣла между наслѣдниками А. И. Бунина, ничтожнымъ своимъ доходомъ не только не могла поддерживать всѣхъ строений, оранжерей и прудовъ, но даже не могла прокормить огромной дворни, при ней находившейся. Строепіе сгнило и развалилось; Анна Петровна жила совершенно одна, подъ скромною соломенною кровлей. Пруды, сорвавъ плотины, утекли, садки поросли камышомъ, ручеекъ наполнился тростникомъ, а въ паркѣ дорожекъ уже нѣтъ. Лишь источникъ, чьи кристально-прозрачныя струи пятнадцатилѣтній Жуковский сравнивалъ съ безгрѣшнымъ рожденіемъ человѣка, журчитъ попрежнему.

Зейдлицъ.

Домашнее воспитаніе Жуковскаго.

Воспитаніе Жуковскаго гораздо плодотворнѣе пошло, когда маленькій Жуковский окончательно поселился въ семействѣ своей крестной матери Варвары Аванасьевны Юшковой, которая въ 1785 г.

вышла замужъ за Юшкова и поселилась въ Тулѣ, гдѣ служилъ ея мужъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ въ пансіонѣ и въ училищѣ Варвары Аванасьевна окончательно взяла крестника къ себѣ и рѣшилась дать ему воспитаніе домашнее, въ кругу своихъ дочерей — сверстницъ Жуковскаго. Общество маленькаго поэта теперь состояло исключительно изъ дѣвочекъ — ихъ было много, около 12 человѣкъ, и всѣ онѣ, большею частью, были его сверстницами. Это обстоятельство, замѣтимъ, не могло не имѣть вліянія на развитіе природной мягкости, идеалистичности характера поэта. Среди этого общества закончилось его первое домашнее воспитаніе. Ученье и здѣсь, разумѣется, не могло быть слишкомъ серьезнымъ, хотя въ домѣ Варвары Аванасьевны было много разныхъ учителей и гувернантокъ; впрочемъ, 12-лѣтній поэтъ не хотѣлъ отставать отъ дѣвочекъ и училъ съ ними одни и тѣ же уроки.

Но если систематическое ученье шло незавидно, то въ домѣ Юшковыхъ были такіе образовательные элементы, которые могли будущему поэту замѣнить многое. Домъ Юшковыхъ былъ центромъ всей провинціальной тульской умственной жизни. Здѣсь собирались всѣ лучшія силы, — литературныя и музыкальныя, — какія только находились въ городѣ. Вокругъ образованной и любезной хозяйки образовался цѣлый литературно-музыкальный кружокъ, преданный вполнѣ литературнымъ и музыкальнымъ интересамъ. Всѣ, кто интересовался современной литературой — русской и иностранной, кто любилъ музыку — всѣ собирались въ домѣ Варвары Аванасьевны. Она была душою всего общества. „Варвара Аванасьевна, — говоритъ современникъ, — устроила у себя литературные вечера, гдѣ новѣйшія произведенія школы Карамзина и Дмитріева, тотчасъ же послѣ появленія своего въ свѣтъ, дѣлались предметомъ чтеній и сужденій. Романами русская словесность не могла въ то время похвалиться; потребность въ произведеніяхъ этого рода удовлетворялась лишь сочиненіями французскими. Романы Нелединскаго повторялись съ восторгомъ. Музыкальные вечера у Юшковыхъ скоро превратились въ концерты. Варвара Аванасьевна занималась даже управленіемъ тульскаго театра. Тутъ собственно, — прибавляетъ онъ, — литературное настроеніе привилось къ Жуковскому“. Литературно-поэтическимъ вкусомъ будущаго поэта, дѣйствительно, было гдѣ развиваться. Насколько сильно были привиты къ семейству Юшковыхъ умственные интересы, — отчасти можно видѣть и на собственныхъ дочеряхъ Варвары Аванасьевны: изъ нихъ одна (въ замужествѣ Зонтагъ) извѣстна многими прекрасными книгами для дѣтскаго чтенія, особенно прекраснымъ изложеніемъ для нихъ священной исторіи; другая (въ замужествѣ сначала за Кирѣвскимъ, потомъ за Елагинимъ) напечатала нѣсколько переводныхъ статей въ журналахъ. Дѣти послѣдней отъ перваго брака, братья Кирѣвскіе, также слишкомъ извѣстны въ нашей литературѣ.

При такомъ преобладаніи въ семьѣ литературныхъ и эстетическихъ вкусовъ, неудивительно, что маленькій поэтъ очень скоро на-

чалъ и самъ пробовать въ этой сферѣ свои силы. „Василій Андреевичъ, — рассказываетъ д-ръ Зейдлицъ, — уже на 12-мъ году отъ рожденія отважился на составленіе и постановку какой-то трагедіи. Поводомъ къ этому было обѣщаніе Марьи Григорьевны (мать Варвары Аванасьевны) пріѣхать на зиму (1795 г.) въ Тулу погостить у своей дочери. Жуковский къ этому пріѣзду готовилъ большой праздникъ. Онъ написалъ трагедію: „Камилль, или освобожденіе Рима“. Избралъ для себя роль героя пьесы, нарядилъ всѣхъ ученицъ домашняго пансіона, отъ 17-ти до 3-лѣтняго возраста, въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ и, разумѣется, какъ авторъ и актеръ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Общій восторгъ такъ польстилъ Жуковскому, что онъ немедленно принялся опять за новую пьесу: „Павель и Виргинія“. Но ожидавшееся трогательное впечатлѣніе на зрителей не сбылось, — артисты не поняли своихъ ролей, — и вторая трагедія молодого сочинителя потерпѣла fiasco“.

Въ такой обстановкѣ будущій поэтъ провелъ самые первые годы своей жизни. Наступила пора болѣе серьезнаго образованія. Въ январѣ 1797 г. 14-лѣтняго Жуковского отвезли въ Москву и включили въ Московскій благородный университетскій пансіонъ.

Для поэта начался новый періодъ жизни (1797—1801). Общество дѣвочекъ замѣнилось кругомъ товарищей. Въ нихъ особенно поспѣшилось Жуковскому. Его товарищами по пансіону были: братья Тургеневы, Александръ и Андрей, Блудовъ, Дашковъ, кн. Вяземскій, Уваровъ и др.

Архангельскій.

Ф. Г. Покровскій — первый паставникъ Жуковского.

Покровскій родился въ 1763 г., съ 1776 г. учился въ Сѣвской семинаріи, а съ 1783 г. въ Петербургской учительской гимназіи. 22 сентября 1786 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Тульское главное народное училище и, вскорѣ послѣ учрежденія гимназіи, переименованъ въ старшіе учителя Тульской гимназіи (7 августа 1804 г.). Онъ не былъ специалистомъ по одной какой-нибудь наукѣ. Въ ноябрѣ 1800 г. Покровскій „по ордеру, данному по Высочайшему повелѣнію отъ тульского гражданскаго губернатора Томилова, употребленъ былъ для отысканія торфа“. Въ слѣдующемъ году отъ преемника его, генераль-маіора Иванова, вторично предписано Покровскому отыскивать торфъ въ Тульской губерніи. Вслѣдствіе этого Покровскій обозрѣлъ всю Тульскую губернію и нашелъ во многихъ мѣстахъ торфъ и въ нѣкоторыхъ земляной уголь, о чемъ и донесъ упомянутымъ губернаторамъ. При преобразованіи Тульского главнаго народнаго училища въ гимназію Покровскій по предписанію тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа, Михаила Никитича Муравьева, кромѣ своей должности, отправлялъ должность учителя *политической экономіи и російской словесности* (съ 1804 по 1808 г.). Въ 1812 г., во время вторженія непріятеля въ Москву,

отправленъ былъ съ казеннымъ имуществомъ гимназіи въ городъ Данковъ, Рязанской губерніи, и черезъ три мѣсяца благополучно назадъ возвратился. Херасковъ хвалилъ „мысли и чувства Покровскаго“. Лучшею для себя похвалою Покровскій считалъ наименованіе филантропа. Онъ восторгался „человѣколюбивымъ и нѣжнымъ“ выраженіемъ *Наказа* Екатерины II: „лучше простить десять виновныхъ нежели наказывать одного неповиннаго“. Въ прозаической статьѣ оплакалъ Покровскій смерть этой „человѣколюбивой и милостивой государыни“. Корень всѣхъ человѣческихъ преступленій, — по словамъ Покровскаго, — есть „невѣжество со всѣми наперсниками своими“. Но одно просвѣщеніе разума (продолжаетъ философъ) не достаточно: „и могутъ ли люди назваться прямо просвѣщенными, ежели не добродѣтельны? Просвѣщенный разумъ, но развращенное пороками сердце пагубнѣе самаго невѣжества... Просвѣщеніе и добродѣтель! — вотъ важнѣйшіе предметы и цѣль истиннаго воспитанія, воспитанія, только уважаемаго просвѣщенными народами, колько пренебрегаемаго невѣждами! — цѣль истиннаго благополучія человѣка и всего человѣчества“. Улучшеніе правосудія въ Россіи было любимой мечтою филантропа. Провожая въ могилу Екатерину II, Покровскій говорилъ: „Законы всегда составляютъ первое основаніе благополучія народовъ; и они-то суть главнѣйшія черты, открывающія свойства владыкъ сего міра“. Въ царствованіи императора Павла I Покровскій опять возвращается къ законамъ, къ правосудію: „Благословенны тѣ нѣжныя и чувствительныя души, тѣ благодѣтельные друзья человѣчества, которые, держа въ рукахъ вѣсы правосудія, не наклоняютъ ихъ по пристрастіямъ, которые всѣмъ сердцемъ защищаютъ невинность, которые стараются не отяготить, но облегчить участь слабаго человѣчества... О исполнители правосудія! что если святая вѣра не напечатлѣвается въ вашемъ сердцѣ, душѣ и духѣ сего правосудія; если вы не внимаете божественному гласу законовъ, устами мудрыхъ законодателей къ вамъ вопіющему: горе, горе вамъ! — вы рождены съ слабостями, общими всѣмъ человѣкамъ, а вы хладнокровно бросаете на нихъ камень, какъ будто сами праведны“. Вступленіе на престолъ императора Александра I, Покровскій привѣтствуетъ такимъ предсказаніемъ: „Онъ побѣдитъ ихъ (свои народы) любовію, кротостію, милосердіемъ. Вѣсы правосудія не будутъ наклоняться по пристрастіямъ. Онъ окончитъ то огромное зданіе законовъ, которому Екатерина сдѣлала чертежъ въ безсмертномъ своемъ проектѣ новаго Уложенія. Она въ немъ оставила неразрѣшимый гордіевъ узелъ потомству, который намъ премудрый Александръ не разсѣчетъ по примѣру Македонскаго Александра, но развяжетъ со всѣмъ искусствомъ безсмертнаго законодателя и тѣмъ пресѣчетъ грубые корни злобы и коварства, препятствующіе распространяться благовоннымъ злакамъ правоты и невинности“. Въ рядѣ небольшихъ статей подъ заглавіемъ *Созерцаніе природы со стороны ея экономіи относительно къ человѣку* Покровскій, на основаніи сочиненія „одного повѣйшаго философа“, разсма-

триваєть „ту часть економіи природы, которая относится собственно къ чловѣку, а особливо къ его участи послѣ сей жизни“. Свое изъясненіе изъ „новѣйшаго философа“ Покровскій заключаетъ слѣдующими словами: „О вы, которые проливаете слезы въ молчаніи; которыхъ въ смутные часы тревожить меланхолія со всѣми слѣдствіями страшныхъ сомнѣній! Я бы желалъ хотя нѣсколько спомоществовать вашему успокоенію. Ежели вы теперь несете обременительную тяжесть, тѣмъ радостіе для насъ будетъ, когда ее снимуть. Но всегдашній отвѣтъ несчастныхъ людей есть: мы бы охотно желали сносить наше страданіе, но уже недостаетъ силъ къ терпѣнію. Хорошо! но... въ то мгновеніе, когда уже нѣтъ больше возможности сносить оную—и кончатся наши страданія. О если бъ я могъ отвлечь хотя единый радостный взглядъ къ будущей жизни отъ вашихъ глазъ, отягченныхъ прискорбіями, и унять ваши слезы, хотя черезъ одну улыбку!... Религія есть превосходнѣйшая утѣшительница; она говорить о будущей жизни въ величественныхъ картинахъ. Исслѣдывающій духъ хочетъ также узнать физическую возможность дѣла. Къ сему я столько способствовалъ, сколько могъ“. Но этотъ тульскій педагогъ прошлаго вѣка, геологъ и политико-экономъ, — Покровскій всецѣло принадлежитъ тому направленію литературы, которое охватило Жуковскаго въ классахъ университетскаго благороднаго пансіона. Онъ преданъ прелестямъ сельской жизни. Въ „сельской неприхотливой куцѣ“ своего друга—въ П—щевѣ—онъ наслаждается закатомъ солнца, въ пріятныя минуты деревенской жизни — минуты, въ которыя онъ слагаетъ съ себя все бремя бездѣйственной суетности, — *онъ чувствуетъ бытіе свое...* „Только въ пріятномъ уединеніи сельскіе несокрушены еще жертвенники невинности и счастья“. Большіе города представляются ему „великолѣпными темницами“. Мечтанія въ лунную ночь возбуждаютъ въ Покровскомъ „чувство чловѣколюбія“ къ преступнымъ узникамъ тюрьмы, а вечерняя прогулка весною по темному лѣсу заставляеть его чувствовать бѣдствія чловѣческія и призывать благотворителей для ихъ исцѣленія. Въ этомъ темномъ лѣсу мечтатель встрѣчаетъ нищаго крестьянина, который „жилъ спокойно въ нѣдрѣ своего семейства до тѣхъ поръ, пока плачевный слухъ, ужаснѣйшій громоваго удара, поразилъ всѣхъ крестьянъ той деревни. Всѣ говорили съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ (продолжаетъ рассказывать нищій), что ихъ продали на вывозъ, — ихъ поведуть на поселеніе въ дикія, пустыя степи—въ мѣста, ихъ пращдами неслыханныя, куда хищный вранъ утлыхъ костей чловѣческихъ никогда не зашавивал. Ахъ! можно ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни! Когда уже время приближалось почти къ глубокой осени—когда по опредѣленію злобнаго рока должно было оставить свое жилище, тогда всѣ съ неописаннымъ воплемъ, съ уныніемъ, удручающимъ душу и сердце, всѣ, какъ будто преступники, осужденные къ смертной казни, отправились въ путь“. Тронутый рассказомъ крестьянина, потерявшаго на войнѣ руку и обѣ ноги, мечтатель восклицаетъ: „Чловѣки! существа

благотворительныя! Съ какимъ чувствованіемъ вы взираете на слезы, вздохи, мученія подобнаго вамъ существа, возсылающаго съ ними свою жалобу Вездѣсущему и Всевѣдущему?... Загляните внутрь сердца вашего: съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ оно возбуждаетъ васъ къ священнѣйшей должности — любить. Разсматривайте натуру, сію милостивую мать вашу, и учитесь у нея благотворить. Сія ночь, сія ароматы, сія роса, сей сонъ (ахъ! можно ли все исчислить!) суть очевидныя знаки ея милосердія, которыми она васъ благословляетъ“

Такія картины проходили передъ нашимъ мечтателемъ въ сельскомъ уединеніи: „философъ горы Алаунской“ не былъ сентиментальнымъ идилликомъ; трезвое чувство дѣйствительности не позволяло ему предаваться безпредметнымъ мечтаніямъ романтиковъ и самодовольно растравлять въ себѣ „священную меланхолю“. Пріятель извѣстнаго послѣдствія князя П. Шаликова, Покровский философствовалъ съ нимъ порою надъ могилами сельскаго кладбища, при „томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны“, но „чувствительность его благороднаго сердца“ не имѣла ничего похожаго на болѣзненную слезливость его собесѣдника. „Мысли и чувства“ Покровскаго одобрялись не однимъ Херасковымъ. Въ 1813 г., по предложенію министра народнаго просвѣщенія, сочиненіе Покровскаго подъ названіемъ „Философъ горы Алаунской“ напечатано „на казенный коштъ и за вычетомъ издержекъ отдано въ его пользу“. Въ концѣ прошлаго вѣка Покровский былъ извѣстнѣйшимъ изъ тульскихъ литераторовъ. Онъ, несомнѣнно, являлся на литературные вечера Юшковой въ Тулѣ. Припомнимъ, что въ университетскомъ пансіонѣ сочиненія Покровскаго входили въ кругъ *обязательнаго* внѣкласснаго чтенія воспитанниковъ. Мы сочли необходимымъ возстановить истинныя черты этого филантропа и педагога-писателя, исключившаго Жуковскаго изъ высшаго народнаго училища,—черты, нерѣдко затемняемыя въ біографіяхъ Жуковскаго. Одинъ изъ друзей поэта, П. А. Плетневъ, говоритъ о школьныхъ занятіяхъ его въ Тулѣ: „Первые опыты собственно называемаго ученія не принесли большой пользы Жуковскому, потому что наставники не угадали его призванія. Изъ него хотѣли сдѣлать математика, а онъ все оставлялъ для поэзіи. Страсть къ сочиненіямъ театральнымъ обыкновенно прежде всего раскрывается въ дѣтяхъ съ живымъ воображеніемъ. Она овладѣла и Жуковскимъ, лишь только помѣстили его въ Тульское народное училище. Ревностный къ должности своей учитель, Ѳ. Г. Покровскій, выведенъ былъ изъ терпѣнія *невнимательнымъ* ученикомъ, рѣшился, въ назиданіе товарищамъ Жуковскаго, исключить его изъ училища“. Справедливѣе было бы сказать, что въ Тулѣ, избалованный прелестями дѣтскихъ забавъ дѣвическаго круга, Жуковскій *не внималъ* серіозному ученію общественной школы. Нужно было оторвать его отъ этого очарованія, чтобы заставить его учиться. И въ началѣ 1797 г. Жуковскій дѣйствительно оторванъ былъ отъ любимицъ дѣтства, онъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ Университетскій благородный пансіонъ: на новой почвѣ на-

чалась пора серьезнаго ученія, которому отдался Жуковскій со всѣмъ жаромъ юношескаго одушевленія. Новыми симпатіями, новыми сердечными связями согрѣта была эта пора его московской школьной жизни: простое, нѣжное сердце провинціала широко открылось вліянію слова и нравственному обаянію новыхъ друзей и наставниковъ, не дававшихъ классныхъ уроковъ...

Тихонравовъ.

Жуковскій въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Въ началѣ 1797 г. Жуковскій поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Потому ли, что перенесенный въ иную атмосферу онъ иначе, серьезнѣе, нежели въ Тульскомъ училищѣ, сталъ относиться къ своимъ ученическимъ обязанностямъ, — или потому, что при многопредметности и разнообразіи учебнаго плана пансіона ¹⁾ постановка учебнаго дѣла въ немъ позволила Жуковскому ограничиться занятіями по тѣмъ предметамъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ и способенъ, — только въ слѣдующемъ 1798 г. нашъ поэтъ былъ признанъ и товарищами и начальствомъ, вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ, Костомаровымъ, лучшимъ „въ ученіи и поведеніи“, первымъ „въ благонавіи и прилежаніи“, — и на торжественномъ актѣ пансіона 14-го ноября 1798 г. Жуковскому было поручено читать „сочиненную имъ рѣчь (о добродѣтели), приличную сему случаю“ ²⁾. Успѣхи Жуковскаго въ русской словесности, въ стихотворствѣ, повидимому, при издѣланнѣ господствовавшемъ въ пансіонѣ литературномъ направленіи, наиболѣе выдвигали его среди товарищей. Уже въ самый годъ поступленія его въ пансіонъ въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (часть XVI) печатается прозаическая статья его „Мысли при гробницахъ“ и стихотвореніе „Майское утро“; въ этомъ же 1797 г. на публичномъ актѣ 19-го декабря Жуковскій читаетъ свою оду „Благоденствіе Россіи, устроенное великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ“; на актѣ слѣдующаго года (22-го декабря 1798 г.) онъ читаетъ свое стихотвореніе „Добродѣтель“ („Отъ свѣта свѣтовъ лучъ излился“) и помѣщаетъ въ „Пр. и пол. препровожденія вр.“ (чч. XVII, XX) другое стихотвореніе „Добродѣтель“ („Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи“) и прозаическія статьи: „Миръ и война“, „Жизнь и источникъ“. Къ 1799—1800 гг. относятся стихотворенія Жуковскаго: „М. М. Хераскову“, „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“, „Стихи на новый 1800 годъ“, „Къ Тибулу“, „Миръ“, „Платону“, „Герой“ ³⁾, и прозаическія статьи: „Къ надеждѣ“, „Мысли на кладбищѣ“, „Истинный герой“.

¹⁾ Тихонравовъ, соч. III, ч. 1, стран. 410.

²⁾ Актъ, бывшій въ универс. благородномъ пансіонѣ 14 ноября 1798 г., „Москвитинникъ“, 1847 г., ч. III, стр. 54 и сл.

³⁾ Впервые извѣч. изъ рукописей въ изданіи Маркса подъ ред. проф. Архангельскаго, т. I, стр. 10—22.